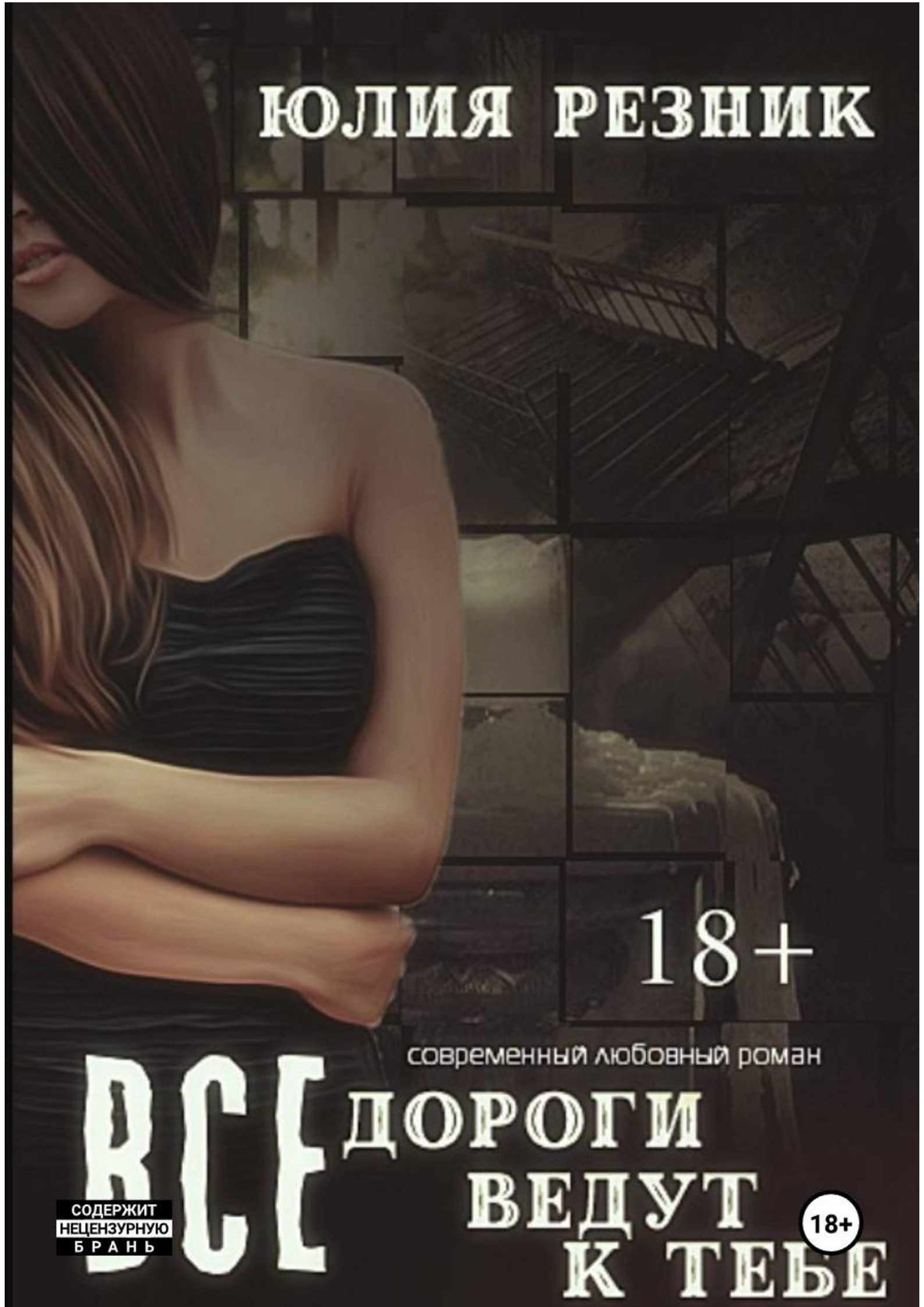

ЮЛИЯ РЕЗНИК

18+

современный любовный роман

ВСЕ ДОРОГИ
ВЕДУТ
К ТЕБЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Резник

Все дороги ведут к тебе

«Автор»

2026

Резник Ю.

Все дороги ведут к тебе / Ю. Резник — «Автор», 2026

Жестокий, безжалостный, неумолимый Палач, который просит о помощи. Она бы непременно ему отказала. Ей уже нечего терять. Но у них общий ребёнок. Сын. И помощь нужна именно ему. В книге присутствует нецензурная брань!

© Резник Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юлия Резник

Все дороги ведут к тебе

Глава 1

Бентли у дома Лии смотрелся так же чужеродно, как крестный ход у ворот ада. Ненормально, неправильно, не на месте. Она опустила взгляд и, глядя себе под ноги, продолжила движение. Сумка с фотоаппаратом оттягивала руку, в висках ломило. Только бы не мигрень...

За спиной с тихим звуком открылась и закрылась дверца машины. Волосы на затылке приподнялись. Тысячи аргументов один за другим выстраивались во вполне логическую цепочку – это не мог быть ОН. Но с другой стороны, Лия не представляла, кто ещё мог бы припарковаться у ее дома на автомобиле такого класса.

– Лия!

В один момент сумка стала практически неподъемной. И она сама как будто отяжелела. Налилась свинцом. С большим трудом заставила себя обернуться. Не до конца. Так... впол-оборота.

– Александр? – ровным, лишенным всяких эмоций голосом вытолкнула из себя.

В таком положении Лия видела своего собеседника лишь краем глаза. Но даже этого было достаточно. Собственно, вполне хватило бы просто голоса. Да что там... Его эксклюзивного аромата, который заполонил все кругом, отбирая ее кислород.

– Нужно поговорить.

И в этом весь он. Ему нужно... А значит, разговора не избежать. Хотя, как разговаривать, когда даже вдохнуть нет возможности? И тошнит так, что вырвет вот-вот? Сглотнула.

– О чем?

– Не на улице.

Лия все же обернулась, направив на мужчину прямой немигающий взгляд. Он постарел. Седины прибавилось, и морщин. Вокруг серых холодных глаз. В уголках тонких не улыбающихся губ... Моргнула. Одно оставалось неизменным. Всегда неизменным... Чувство собственной непогрешимости и не терпящий возражений тон.

Кхм... Он, что же... напрашивался в гости?

– Поговорим в машине. Толик погуляет.

Толик... неизменный водитель. Так, по крайней мере, значилась его должность. Однако характерная выпуклость под серым унылым пиджаком наталкивала совсем на другие мысли. Да, впрочем, без разницы...

– Нет.

– Что?

Он действительно не понимал. Не понимал, как кто-то посмел ему возразить. Губы сами по себе растянулись в совсем невеселой улыбке. Лия передернула плечами, сбрасывая напряжение:

– Я не хочу садиться в твою машину.

На щеке Александра дернулся нерв. А ей было все равно. Он был не властен над ней. Теперь уже нет.

– Тогда поднимаемся к тебе.

Мужчина обогнул Лию, и первый шагнул в открытую дверь подъезда.

– К себе я тебя тоже не приглашала.

Александр замер и медленно оглянулся.

– Ты пойдешь со мной по доброй воле, или мне придется применить силу. Выбирай.

У нее засосало под ложечкой. Во рту пересохло. Лия знала, что это были не пустые угрозы. Но не боязнь расправы заставила ее сердце пойманной птицей биться в груди. Другое... Александр дал слово, что не приблизится к ней. И то, что он по какой-то причине все же был вынужден нарушить свое обещание... пугало женщину до мерзкой дрожи в коленях.

Никак не прокомментировав его слова, Лия все же подхватила сумку с фотоаппаратом и, задержав дыхание, стремительно поднялась по ступеням. Возможно, разговор на собственной территории – это и к лучшему. В машине было бы хуже стократ. Его ненавистный запах в замкнутом пространстве салона достигал такой концентрации, что она могла бы просто не выдержать.

Немного замешкавшись с ключами, все же открыла дверь. Не глядя на спутника, стащила выдавшие виды кроссовки и отступила вглубь квартиры. Александру, конечно же, даже в голову не пришло разуться.

– У меня не ходят обутыми, – заметила Лия.

Он ничего не сказал. Только нерв на щеке еще сильнее задержался, когда он, небрежно наступая на задники, стаскивал свои ручной работы ботинки.

Не глядя больше на мужчину, Лия прошла в кухню. Включила чайник. Александр последовал за ней. Молча прислонился спиной к холодильнику. И она тоже молчала. Просто не позволяла себе заговорить первой, хотя больше всего на свете Лия хотела покончить со всем как можно скорее.

– Саша болен.

На ее лице не дрогнул ни один мускул. Оно оставалось таким же равнодушным, как и в начале разговора. А вот Чалый нервничал. Это бросалось в глаза. Интересно, он собирается продолжать? Лия залила пакетик чая кипятком и настежь открыла окно. Хотя не май месяц был – факт. Пошарила на верхней полке кухонного гарнитура, достала измятую пачку ментоловых сигарет. Может быть, они перебьют его жуткий запах? Подкурила.

– Это все?

Он сжал кулаки. И даже, наверное, скрипнул зубами. По крайней мере, Лия была совершенно уверена, что слышала этот отвратительный звук. В нем вообще все было отвратительным. Тошнота подкатывала все сильнее.

– Он может умереть.

– Найди хороших врачей. У тебя гораздо больше возможностей, чем у любого другого человека.

Лия аккуратно пригубила чай, и чуть не подавилась, потому что он заорал:

– А ты думаешь, я этого не сделал?! Ничего не помогает! Ничего!

– Я не буду разговаривать с тобой в таком тоне.

Женский голос немного подрагивал, но Лия надеялась, что Александр этого не заметит. Ей ни в коем случае нельзя было показывать ему свои истинные чувства. Хищников страх провоцировал – факт. И она была не настолько глупой, чтобы дергать льва за усы.

Чалый шумно выдохнул. Дернул воротник рубашки:

– Я бы вообще к тебе не пришел, будь у меня выбор.

– Но все же ты здесь. Почему бы нам не покончить со всем как можно скорее? – Лия жадно вдохнула прохладный ментоловый дым, сосредоточив взгляд на длинных мужских ступнях. Prada или Gucci? Раньше бы угадала... А сейчас, вот, как-то отстала от моды на мужские носки.

– Тебе вообще, что ли, по х*ру, я не пойму?

Александр наконец-то сбавил обороты. Но и его вкрадчивый тихий голос заставлял шевелиться волосы по всему телу.

– А разве ты не этого от меня хотел? – задала встречный вопрос.

Мужчина выругался. Пнул ногой деревянный стул, который с грохотом упал на пол. Лия вздрогнула. Чалый и раньше отличался бешеным темпераментом, а сейчас, похоже, вообще себя не контролировал.

– Значит так... Саша нуждается в трансплантации костного мозга. Его – не справляется с поставленной задачей. Но мы не можем найти подходящего донора. Из-за тебя...

– Вот как...

– Да! Так! Знаешь ли ты, что редкие этнические группы имеют гораздо меньшие шансы на донорство?

– Как же ты это не предусмотрел? – Лия сбила пепел в простую керамическую чашку и снова затянулась.

– Затужи!

– Прости?

– Затужи, говорю! Дышать нечем!

– Боюсь, ты чего-то не понимаешь, Александр. Или забыл о наших договоренностях.

– Я... ничего... не... забываю! Обстоятельства изменились.

В груди Лии загрохотало так, что даже уши заложило. Головная боль сконцентрировалась в одной пульсирующей точке. Она хотела исчезнуть, испариться, провалиться сквозь землю, лишь бы не слышать его дальнейших слов. Но ещё больше ей хотелось закричать, что есть сил: «Ты не имеешь права! Ты обещал оставить меня в покое! Ты обещал...». Но вместо этого опять равнодушно:

– Чего ты хочешь?

– Поскольку подходящего донора найти до сих пор не удалось, а рисковать ради условно подходящего я ни за что не соглашусь, остаётся только одно. Ты нам его родишь.

– Кого? – изумилась Лия.

– Донора! Саше нужен донор! Ты вообще меня не слушаешь?! Пуповинная кровь станет для него самым лучшим донорским материалом.

Она слушала. Но не слышала... Не могла разобрать. Или не хотела... О чем этот человек говорит? Почему машет руками, будто в прошлой жизни был ветряной мельницей? Куда делся жесткий холодный деспот, каким она его знала? И кто этот странный мужчина в его облики?

– Я рожу? – была вынуждена переспросить. Просто не могла до конца поверить в то, что услышала именно это.

Чалый зло на неё посмотрел. Отчаянным жестом провёл по затылку, сместил руку на мощную шею, устало разминая мышцы.

– Ты родишь, – кивнул уверенно. Нисколько не сомневаясь, что Лия сделает так, как велено.

– Нет.

– Да, Лия, да! Мы пытались этого избежать. Искали совместимого донора во всех международных банках-регистрах. Но для этнических меньшинств... подобрать донора очень сложно. Саша наполовину твой сын. Твоя кровь не оставила ему шансов.

– Нет. Я не буду этого делать. Ни за что. – Лия покачала головой и отвернулась к окну. Возможно, это было не самое умное решение – поворачиваться к врагу спиной, но ей нужно было хоть как-то от него отгородиться. Обрести подобие контроля. Не выдать себя. Ей нужно было...

Его сильные пальцы неумолимо сомкнулись чуть выше её локтя, дернули за руку, разворачивая лицом к себе. Лия не успела отреагировать. Она даже не поняла, как он так быстро преодолел разделяющее их пространство... Хотя, ну что она могла сделать? Разве что выпрыгнуть в окно. А тогда ради чего она столько боролась за жизнь? Глупо.

– Ты сделаешь это. Я тебе заплачу. Много... Сколько захочешь. Ты выберешься из этих трущоб, заживешь по-человечески, – искушал Чалый, подобно библейскому змию.

Лия покачала головой. На этот раз даже не отрицательно, а в каком-то неверии. Александр действительно не считал за людей таких, как она теперь... Он их даже не замечал. Их жизни не имели для него никакой ценности... Он выглядел пришельцем из другого мира. Мира, в котором несколько сотен фальшивых кукол имитировали нормальную жизнь. Когда-то и она так жила. Цеплялась обломанными ногтями за иллюзии. А они рвались под её окровавленными пальцами, как бумажная ширма. И, как ни старайся, правда высывалась наружу.

– Нет, – повторила в очередной раз и попыталась освободиться. Но Чалый не дал. Встряхнул ее на удивление аккуратно... Видимо, сдерживаясь из последних сил.

– Твой сын... умирает! – Его взгляд горел. Глаза сузились. Кровь прилила к лицу, отчего его смуглая кожа потемнела еще сильнее.

«Только не думай об этом, только не думай... – билось в мозгу женщины. – Думай о хорошем. О рассвете в горах. Он такой красивый!» Мечтала его увидеть, и только в этом году удалось... Лия закрыла глаза, воскрешая в памяти окутанные дребезжащим розовым утренним светом горные пики, и тихо сказала:

– Ты опять что-то путаешь... Мой сын умер шесть лет назад.

Лие все же удалось сбросить с плеч его тяжелые руки. Ей даже позволили отойти. Чтобы подкурить очередную сигарету. Она много курила, да...

– Нет, это ты путаешь, девочка. Если считаешь, что можешь отомстить мне таким образом. Зубы обломаешь. И все равно сделаешь так, как я скажу.

– Заставишь? – хмыкнула, нагло улыбаясь. Сама не понимала, откуда взялась смелость ему противостоять. Испуг ли так на нее повлиял, или злость? И знала ведь, что запросто может поплатиться за свою дерзость, но все равно не удержалась.

– Даже не сомневайся.

Она и не сомневалась. На собственном опыте усвоила, каким чудовищем он мог быть. Вот только на этот раз ему все же придется смириться с неизбежным. Покачала головой.

– Ничего не выйдет. Нет, ты можешь, конечно, выкрасть меня... Привязать к кровати шнуром от светильника и насиловать до посинения... – Лия дернула головой, отгоняя всплывшие в памяти картины из прошлого, – только это ничего не даст...

На какой-то миг ей показалось, что в его глазах что-то дрогнуло, но мужчина очень быстро взял себя в руки, и она не стала бы этого утверждать.

– Я не собираюсь с тобой спать! – небрежно отмахнулся он. – Ограничимся ЭКО.

Лия ни за что бы не призналась, какое облегчение испытала после этих его слов. У нее даже колени подкосились. Как только на ногах удержалась?

– Ищи какой-нибудь другой выход, – покачала головой, но, не успев все объяснить до конца, зашипела от боли – он снова ее схватил. И, яростно брызжа слюной, процедил:

– Нет никакого другого выхода! Был бы – ни за что не пришел бы! А потому – сделаешь, как я сказал. По доброй воле, или под дулом пистолета. Мне пох*й. Лично я бы предпочел не марать о тебя член. Но, если придется... То я буду готов – не сомневайся.

Александр никак не ожидал, что она рассмеется. Громко, во всю глотку. Она буквально задыхалась от смеха. А потом так же внезапно Лия замолчала. Опустила взгляд вниз:

– Даже если так... это не приблизит тебя к цели. Я не могу родить, и не могу стать донором яйцеклетки. Посмотри на меня... – Лия отошла и развела руки в сторону, – у меня серьезное нарушение пищевого поведения. Месячных не было... я даже не знаю, сколько. Может, год... Может, полтора... Так что... я тебе не помощник. Абсолютно. Если бы я сошла с ума и согласилась на эту авантюру – у меня просто нет такой возможности.

Глава 2

Прошло уже два дня после визита Чалого, а Лия так и не пришла в себя. Запрещала себе вспоминать, понимая, какую опасность эти воспоминания в себе таили, но все равно то и дело мысленно возвращалась в тот день. Александр вынудил ее говорить о том, о чем она меньше всего хотела. Заставил признаться в собственной никчемности. А как было бы хорошо предстать перед ним красивой и полной жизни... Чтобы показать, что ему не удалось сломить ее волю. Не удалось растоптать. Вот только обмануть его вряд ли бы получилось. Чалый наверняка знал, что добился цели. Мог даже назвать тот момент, когда Лия сдалась. Сломалась. Разлетелась на осколки с причудливо обломанными краями. Ведь он собственными руками ее разрушил...

Лия так сильно устала... Двенадцатый час ночи, а она весь день на ногах. Хорошо, хоть удалось проглотить запеченную с овощами рыбу. А главное – удержать ее в себе. В работе свадебного фотографа были свои плюсы – её всегда пытались накормить.

– Лия...

– Да? – Лия оторвалась от просмотра отснятого материала и подняла взгляд на маму жениха. Симпатичную молодую женщину.

– У нас столько еды осталось... Возьмешь чего-нибудь? Жалко – пропадет.

У нее еда пропадет с гораздо большей вероятностью, но отказываться было как-то неловко.

– Спасибо. Конечно, заберу.

– Вот... Я уже и в контейнеры сложила. Ах, да... Артем просил передать... Остаток за работу. Уверена, что фотографии будут чудесными.

Лия протянула руку, забрала конверт и, улыбаясь, пояснила:

– Это потому, что у вас очень дружная семья. И светящиеся от счастья молодые. Таких одно удовольствие снимать.

– Спасибо, Лиечка. С вами работать тоже одно удовольствие.

Лия благодарно кивнула. Застегнула молнию на сумке. Выпрямилась в полный рост.

– Может быть, вас подвезти? – предложила вдруг женщина.

– Нет-нет, спасибо! Я сама доберусь. А вы отдыхайте. Вижу, что с ног валитесь.

– Да уж... Устала. Но оно того стоило. Все прошло замечательно!

Приятные люди. Лия не соврала. И не пожалела, что согласилась на съемку. Она находилась уже на том уровне профессионализма, когда можешь себе позволить выбирать, с кем работать, а не хвататься за любого клиента, как это было в самом начале.

– Лия...

Господи... Ну, зачем? Все ведь было так хорошо... Она мечтала, как придет домой, сделает себе ванну с пеной. Нальет вина... Почему опять он?

– Я ведь уже все тебе объяснила... – обреченно выдавила из себя.

– Бред это все. Пойдем... Я подвезу, и поговорим заодно.

Неверяще покачивая головой, Лия двинулась вслед за бывшим мужем. Она даже не стала спрашивать, как он её нашел. Понимала уже, что по какому-то недосмотру судьбы вновь попала в круг его интересов. А значит, над ее жизнью снова установлен тотальный контроль. Почему опять, Господи?!

Сегодня Чалый сам уселся за руль. И охраны не было видно. Очевидно, поэтому мужчина выпустил всех своих демонов. Он гнал так, что ее вдавило в сиденье. Побелевшими пальцами ухватила за ручку, перевела на Александра полный паники взгляд:

– Тормози!

– Что?

– Тормози!

Казалось, он даже не замечал показания спидометра. Лишь после ее слов перевел на него удивленный взгляд и, выругавшись, отпустил педаль газа.

– Боюсь, мои ангелы летают с меньшей скоростью, – объяснила свой крик и снова отвернулась.

– Извини.

Это что-то новенькое. Лия покосилась на мужчину.

– Давай ближе к делу...

– Я консультировался на предмет твоего состояния...

Ну, да... Он мог. Ничего удивительного. Вижу цель – не вижу препятствий – это как раз про Чалого. Ничего удивительного в его словах не было. Удивительным было другое:

– Очень странно, что кто-то взялся тебя консультировать, не будучи в курсе моей истории болезни.

– Вообще-то эти данные мы получили.

Что?! Ах ты ж, черт... Ну, что же... Она его явно недооценила. Или переоценила врачей, для которых не существовало такого понятия, как врачебная тайна. Дерьмо.

– Я уже говорил, что выбора у тебя нет. Твое состояние здоровья запросто можно поправить. И добиться овуляции. Подлечишься немного, отъешься. И все получится. Тебя уже ждут в германской клинике. Они специализируются на этом вопросе и имеют отличную репутацию.

– Ты заставишь меня лечиться силой? – опустив взгляд на лежащий на коленях рюкзак, спросила Лия. – Ты снова станешь меня насиловать, несмотря на наши договоренности? Выходит, ты даже в этом меня обманул?

Она потирала пальцами металлическую пряжку и медленно раскачивалась на сиденье. Туда-сюда... Как какой-то чертовый маятник.

– Твою мать... – Александр резко остановился. Повернулся к ней вполоборота, хотя с его габаритами в тесном пространстве спортивной машины это и было очень непросто сделать. – Вот какого х*я ты из себя недотрогу корчишь, а? Подлатаю тебя, сделаешь свое дело и живи, как знаешь! Включи свой иссушенный мозг – мой сын может умереть!

– Страшно, правда? – отрешенно поинтересовалась Лия. Пугая его до чертиков пустыми провалами своих глаз. – Страшно, что может... Я так тебя понимаю. Нелегко ребенка терять, правда? Мягкий теплый комочек, которому ты дал жизнь, который улыбался тебе беззубым ртом и обнимал крепко-крепко маленькими ручками... С которым ты...

– Заткнись!

– Пошел ты, Чалый! Пошел ты... – Лия резко открыла дверь и попыталась выскочить. Но он её опередил. Схватил за руку, затащил обратно в салон. А у нее еще прошлые синяки не сошли... Второй рукой зафиксировал затылок, больно оттянув волосы. Черт-черт-черт... она же и так почти лысая.

– Скотина, – со всей ненавистью, на которую только была способна, выплюнула ему в лицо. – Ну, что ты со мной сделаешь, что?!

– Все, что только понадобится для того, чтобы Саша выздоровел. Абсолютно все.

– Как ты можешь? Как можешь что-то от меня требовать? Есть ли в тебе хоть что-нибудь святое?!

Нет! Не было. И она это знала. Так почему задавала такие глупые, наивные вопросы? Почему вообще позволила себе скатиться в истерику?! Не понимала. Но и прекратить не могла.

– Ты! Отнял у меня моего мальчика. Ты! Его забрал. Ты! Сказал мне, что он умер. А теперь, когда я без наркоза вырезала его из своего сердца, просишь воскресить сына?!

– Да! – рявкнул он. – Я прошу!

Первая прозрачная капля скатилась по щеке. Лия зло ее смахнула. Но можно было не трудиться. Эти слезы зрели долгие годы. Они хлынули из глаз непрерывным потоком. А ведь она давала себе обет, что Чалый никогда больше не увидит ее плачущей...

– Даже если попытаться... На это уйдет уйма времени. Лечение, беременность... Год-полтора... Это при самых лучших прогнозах. Если трансплантация нужна немедленно, моя беременность – не выход!

Она пыталась достучаться до бывшего мужа, и одновременно с этим отгородиться от мысли, что где-то там её маленькому сыночку нужна помощь. Иначе нельзя... Потому что это был ее шанс... Единственный шанс выжить.

– Послушай, у него сейчас наметилась ремиссия. Она может длиться сколь угодно долго. Болезнь вообще может не вернуться... Это невозможно спрогнозировать. Нам нужно перестраховаться на будущее. Если случится обострение.

Лия моргнула.

– Так ему лучше? Это не онкология?

Чалый покачал головой.

– Нам не сразу удалось поставить диагноз. Только в Германии. У Саши апластическая анемия.

Лия не знала, что это за болезнь, но почему-то слезы снова вернулись. Ей вообще казалось, что теперь она вряд ли сумеет их остановить. За шесть прошедших лет без сына внутри нее образовался целый океан.

– Это редкое заболевание, при котором костный мозг перестает производить достаточное количество всех основных видов клеток крови.

– Почему оно...

– Никто не знает. В подавляющем числе случаев причина заболевания неизвестна. Если хочешь, я могу организовать тебе встречу с врачами. Они расскажут обо всем более детально. Хотя, мать его, я уже, наверное, и сам мог бы написать диссертацию по этому вопросу.

Порой Лие казалось, что больше той боли, что уже была в её жизни, она просто не выдержит. Есть ведь у человека какой-то предел? Предел горечи, предел страха, предел возможностей... Она была уверена, что ее предел наступил. До сегодняшнего дня...

– Это слишком, Александр. Слишком много всего для меня.

– Я понимаю...

– Нет, вряд ли. Ты сейчас заиклен на Саше. И не думаешь о том, что будет дальше.

– Я вылечу сына.

– А что будет с ребенком, благодаря которому ты это сделаешь? – взволнованно облизнула губы Лия. – Ты подумал о нем?

Чалый пожал плечами:

– Это сейчас не главное.

– Для тебя. А я этого ребенка буду носить в себе девять месяцев. Я дам ему жизнь. Думаешь, я соглашусь на такое, досконально все не обдумав?

– Времени на раздумья нет. Тебе следует незамедлительно приступить к лечению.

Она понимала, что Александр её просто не слышит. Слова Лии, ее доводы... мусором падали им под ноги – и больше ничего. Конечно, это ведь не его устоявшийся мир в который раз разваливался на куски. Это ведь не его душа разрывалась на части... Это ведь не ему пришлось воскрешать сына, чтобы в любой момент снова его потерять... Это ведь не его кишки вспарывала боль. Мучительная, иссушивающая душу агония.

– Я ничего не могу тебе обещать. Мне нужно пару дней на размышления. Ты можешь принять мои условия, или сделать по-своему. У тебя свои методы, против которых я вряд ли что смогу предпринять... А теперь, ты не мог бы все-таки отвезти меня домой, или отпустить, чтобы я сама добралась? Я весь день на ногах и очень устала.

Чалый мазнул по ней взглядом и плавно выехал на дорогу. Дальше ехали молча. Относительно не спеша. Бликами по стеклам скользили яркие огни города. До рези в глазах Лия всматривалась в их ослепительный свет, словно не желая смотреть куда-то еще. В темноту... В неизвестность... Но тьма наступала.

Через полчаса припарковались у дома. Вопреки всем ее ожиданиям, Александр заглушил мотор и пошел за ней следом.

– Ты куда? – Лия почувствовала, как ее рот наполняется горечью – свидетельством того, что ее мужество далеко не безгранично.

– Провожу тебя. Поговорим...

– О чем? Мы ведь все обсудили... – вяло запротестовала женщина, впрочем, без особой надежды на то, что будет услышана.

Чалый вздохнул. Как-то устало, что ли... И тихо заметил:

– Не спорь. Я провожу.

Лия зажмурилась. На секунду ей показалось, что у нее в голове лопнул каждый кровеносный сосуд. Она медленно выдохнула. Он был невыносим. Но спорить с Чалым было себе дороже. Когда споры кипят – истина испаряется.

– Делай, что хочешь. Я в душ, и спать.

Она так и поступила. Разобрала сумки и, не глядя на мужчину, пошлепала в ванную. Смыть этот день. Забыть...

Когда вернулась, одетая в теплую фланелевую пижаму, Чалый открыл контейнеры с едой и подозрительно ее обнюхивал.

– Откуда это?

Лия пожала плечами:

– Осталась после свадебного банкета, на котором я работала. Если хочешь, можешь что-нибудь взять.

Она откровенно насмеялась. Знала, что он в жизни не позарится на чьи-то объедки. И наблюдать за его возмущением, что она вообще посмела такое ему предложить! – было очень забавно.

– Смеешься? – презрительно отбросил крышку Чалый.

Лия пожала плечами. Спокойно прошла мимо него, достала тарелку. Задумчиво окинула взглядом ассортимент и положила себе на тарелку запеченный под сыром грибок с каким-то салатом.

– Так, что ты хотел? – произнесла, отправляя первый кусочек в рот.

– Разве ты можешь есть? – задал встречный вопрос Чалый.

Пожав плечами, Лия наколола очередной кусочек:

– Иногда удается.

Она умолчала о том, что, вполне возможно, после его ухода организм отторгнет еду. Зачем посвящать посторонних в детали?

– Я тут подумал, пока мы ехали... И пришел к выводу, что ты можешь оставить ребенка себе. Помнится, ты этого очень хотела.

Лия сглотнула. Земля в который раз ушла из-под ног.

– Я хотела Сашу, – заметила тихо и отложила вилку – еда вдруг стала поперек горла.

– Сашу ты никогда не получишь. Но донора можешь оставить себе. Я не стану вмешиваться в вашу жизнь.

Женщина не показала своего волнения, но ее диафрагма поднялась чуть выше, чем при обычном вдохе. Она его презирала. Ненавидела лютой ненавистью. Знала, что он сознательно давил на больное, ласково смахивая остатки сырной крошки в мышеловку. Как знала и то, что капкан захлопнется. Прямо на ее душе.

Глава 3

Она устала, несмотря на то, что так толком и не поработала. Хорошо хоть съемок не было. Сегодня Лия планировала поколдовать над цветом и ретушью уже отснятого материала, но руки не слушались. А вместо сделанных накануне фотографий перед глазами стоял злой Чалый. Махнув рукой на все попытки сосредоточиться, женщина улеглась в кровать. Сопротивляться усталости не имело смысла. Поморщилась, потому, что простыни оказались ужасно холодными, и, чтобы согреться, натянула одеяло на голову. Сжалась в комок, но ничего не помогало. Тело сотрясала крупная дрожь. Наверное, снова простыла... В последнее время это часто случалось. Ее иммунитет очень сильно ослаб. Впрочем, как и все ее тело. Лия честно пыталась бороться с болезнью. Заставляла себя есть, принимать витамины – однако результат был нулевым. Её организм как будто включил режим саморазрушения. Необратимый, по сути, процесс.

Все началось шесть лет назад. Когда Чалый отнял у неё её мальчика... Первенца. Сына. Именно в тот момент, когда, подвергнув Лию нечеловеческому сокрушительному давлению, её вынудили отказаться от собственного ребёнка, в ней что-то навсегда сломалось. Вместе с волей к сопротивлению и борьбе, ушла и воля к жизни. Хотя именно для того, чтобы выжить, она и согласилась на сделку с бывшим мужем. Но ничего не вышло, по-видимому. Ни-че-го...

Становилось все холоднее. Будто бы ее тело стало огромным решетом, сквозь которое, вместе с жизнью, капля по капле уходило тепло. Зубы выбивали чечетку. Руки тряслись... Лия знала, что это конец, но страшно не было. Она вообще ничего не чувствовала, только холод, что пробирал до костей. А потом пришла злость. На себя в первую очередь. Когда-то давно Лия рассудила, что ее жизнь стоит огромной жертвы. И она принесла ее... Так почему же руки опустились именно сейчас? Когда, казалось, все уже позади. Почему сейчас, господа?

Отчаянным усилием воли Лия спустила ноги на пол. Придерживаясь за спинку кровати, встала. Ей бы только добраться до ванной, в которой хранились лекарства! Но сил не было даже на это. Она упала, сделав всего лишь пару шагов. И подняться уже не смогла.

Александр был в ярости. Видит Бог, он пошел ей навстречу! Дал целые сутки на обдумывание ситуации. Хотя откровенно не понимал, что вообще тут можно было обдумывать! На кону стояла жизнь его сына!

– Нашли?! – нетерпеливо бросил вошедшему в кабинет мужчине.

– Нам не нужно было никого искать. Лия находится дома, из которого со вчерашнего дня не выходила.

– Почему она не отвечает на звонки? Что себе позволяет?! Ты разговаривал с ней?

– Я пытался. Но она не открыла дверь.

Чалый медленно обернулся к начальнику собственной службы безопасности:

– А когда тебя это останавливало, Глеб? Не кажется ли тебе, что ты теряешь хватку? Я тебя абсолютно не узнаю в последнее время...

– А чего ты хочешь? Чтобы мы вскрыли замки?

– Я хочу, чтобы ты привел её. Если она не захотела все решить по-хорошему – будет так, – выделяя интонацией каждое слово, отчеканил Александр. – Тратить свое время на эту суку я больше не намерен. Она того не стоит.

– Зачем ты так, Саша? – тихо поинтересовался Глеб.

– Делай, что говорю! – рявкнул тот.

– Потом не говори, что я тебя не предупреждал...

Грязно выругавшись, Чалый отвернулся к окну. Дождался, когда за единственным другом закроется дверь, и, что есть силы, пнул ногой по драгоценной дубовой панели, которыми были обшиты стены его кабинета. Ему тоже не нравилось то, что происходило. Он бесился от того, что был вынужден нарушить собственное слово! Но у него не осталось выбора! Он перепробовал все. Во всем мире не сыскать специалиста, с которым бы они не консультировались. Но никто... никто не давал гарантий, что болезнь не вернется. Идея родить донора пришла в голову Чалого совсем недавно. Когда Сашка совершенно неожиданно пошел на поправку. Это означало, что они выиграли немного времени. Времени, которого у них не было в остром периоде. Тогда о столь длительном ожидании донорского материала речь даже не шла. Донор требовался незамедлительно. А его просто не было. Несмотря на все его возможности, деньги и связи... Несмотря на все влияние и могущество – он был абсолютно бессилен в той ситуации. Он терял единственного сына, которого беззаветно любил.

Нарушая ход мыслей мужчины, зазвонил телефон.

– Да!

– Саша, Лия не открывала потому, что...

– Плевать! Везите ее сюда!

– Потому, что она просто не могла это сделать! – настаивал на своем Глеб. – Она в отключке. И, по-моему, дело плохо. Я вызвал скорую.

– Что значит – в отключке?!

– Мы с ребятами нашли ее на полу. Она не реагирует на внешние раздражители. Абсолютно не реагирует.

Александр сжал челюсти. Тяжело опустился на стул.

– Передоз?

– Не похоже.

– Ладно... Проследи там за всем. Отвечаешь за нее головой. И отзвонись, когда узнаешь, что за х*рня с ней приключилась.

– Добро...

Двадцать шагов от одной стены до другой. За время болезни Сашки Александр прошел здесь не один километр. Он всегда находился в движении, когда нервничал. Вот и сейчас ходил. Туда – сюда. В ожидании новостей. Бросил взгляд на часы. Как и всегда, в моменты неизвестности, минуты тянулись бесконечно долго. Чтобы скоротать ожидание, набрал номер сына:

– Привет, пап! Ты сегодня опять задерживаешься?

– Привет. Боюсь, что так. Но завтра обещаю вернуться пораньше.

– Заметано! Пойдем на хоккей?

Чалый напрягся. После того, как Саша пошел на поправку, он то и дело удерживал себя от чрезмерной над ним опеки. Меньше всего ему хотелось, чтобы сын ощущал себя ущербным или неполноценным. Но перестать за него волноваться он себя заставить не мог.

– Если захочешь.

– Круто. В первый ряд?

– Бери выше! В отдельную ложу. Потом, если хочешь, можешь пообщаться с парнями в раздевалке.

– Круто. Но я бы предпочел первый ряд.

– Там такая толпа, Сашка...

– Ну и пусть. Зато весело!

– Точно... Значит, первый ряд... Ты ел? – перевел разговор мужчина.

– Конечно, па. Не беспокойся.

На телефон пошел параллельный вызов. Глеб!

– Лады. Я зайду к тебе перед сном. Хорошего вечера.

– Угу. И тебе!

Чавкая и шурша какими-то фантиками, Сашка отключился, и Александр тут же принял вызов Глеба:

– Да! Что у вас?

– Все плохо, Саша. Лия в коме. Её обследуют, но уже сейчас понятно, что шансы минимальные.

Чалый застыл. Сглотнул невесть откуда взявшийся ком в горле.

– Ты... что это такое говоришь? Я разговаривал с ней сутки назад! Она была абсолютно здорова!

– Была, да сплыла! Вот чего ты на меня орешь?! Я не гребанный доктор, Саша! Говорю тебе то, что мне самому сказали! А если у тебя есть вопросы – можешь приехать и задать их соответствующим специалистам!

– Скинь адрес больницы водителю, – после секундной заминки распорядился мужчина.

Офисный планктон расступался перед шагающим по коридору Чалым, как Красное море перед Моисеем. Возможно, поэтому он никого и не замечал. Или так было всегда? Александр вообще мало на что обращал внимание. И мало на кого. А вот Лия как-то сразу впечаталась в память. Зацепила. Молоденькая совсем. Невинная. Воспитанная в строгой мусульманской семье. Но это он потом узнал... А поначалу просто залип на тонкой грациозной фигурке. Если так разобраться, у них не было шансов встретиться. Их жизни протекали в двух совершенно разных, удаленных друг от друга плоскостях. Но, все же... все же это случилось. В очередном клубе, куда он изредка заходил, чтобы хоть как-то снять напряжение. В толпе полуголых девиц Лия выглядела более чем скромно. И тем привлекала внимание. На ней были надеты самые простые классические темно-синие джинсы и черная водолазка. Но даже эти монашеские тряпки не могли скрыть ее безупречную фигуру – длинные ноги и высокую острую грудь.

– Че за девка? – поинтересовался у тогдашнего своего партнера Олега Кошечкина.

– В первый раз вижу! – отмахнулся тот, копаясь в телефоне. – Я бы на твоём месте лучше думал, как пройти градостроительную комиссию. Если зарубят – хана нам, Чалый... Хана. Такие люди вписались под это строительство!

Александр пожал плечами:

– Кто ж знал, что этот Бахтияров – настолько принципиальная задница?

– Он в последнее время на больничный зачастил... Старый, сдает. Если бы назначили ИО – было бы нам счастье. И слушания, и нужное решение администрации... Всю процедуру бы соблюли – никто бы не прокопался. И ж*пу никому бы лизать не пришлось!

– Слушай, ну что ты заладил? – вклинился Чалый, так и не сводя взгляда с испуганной девчонки. – Что это за рефлексорная готовность прицепить к слову «ж*па» слово «лизать»? – поинтересовался с ухмылкой, чуть наклоняя голову вбок – так было гораздо удобнее наблюдать за попкой Лии, которая невольно выпятилась, когда та потянулась за соком.

– Думаю, это говорит о моей крепкой анальной фиксации. – заржал Кошечкин.

– Или же о скудной сексуальной фантазии. Лично я бы к слову «лизать»... подобрал бы гораздо более подходящие дополнения.

– Это какие же? – вздернул бровь Кошечкин.

– Лизать можно чупа-чупс, мороженое или, например, за ухом. Я уже молчу о пальцах на ногах и прочих клиторах... А ты все на волосатую ж*пу Бахтиярова заглядываешься. Это ж надо!

– Не смешно, Саня! Вот вообще, ни х*ра не смешно! Выгорит дельце – поднимемся знатно. А нет – прикопают в леске. Сам знаешь, какие люди...

– Да, слышал я уже, слышал! Будет день и будет пицца! Сейчас-то какого хрена себе вечер портить? Ты мне лучше Глеба найди. Пусть пробьет, что за девка...

– Кто о чем, а вшивый о бане! – насутился Кошечкин, отправляя еще одну порцию текилы в рот. – Ленка... Лен! – заорал, что есть мочи, перекикивая музыку.

- Привет, Олежек! Что-то долго вас не было видно.
- Соскучилась?
- А как же! Ты нас один хорошим шампанским угощаешь, – рассмеялась девица.
- И еще угощу! Отчего же такую красавицу не угостить?!
- Ну, спасибо! – улыбнулась кокетливо.
- А что это с вами за девка? Вон та, темненькая... Мы ее здесь не видели.
- Кто? Лийка, что ли? Еще бы... увидел бы ты ее, когда ее дома за семью замками прячут!

Первый раз в люди вышла, и то, потому что родители уехали...

- Может, познакомишь?
- Да ты че? Вам не обломится – и не мечтай. Она до свадьбы ни-ни. Говорю же – дикая.
- До свадьбы, говоришь? – задумчиво протянул Чалый. Эта малолетка, кем бы она не была, заинтриговала его по самое не хочу.
- Ну, да... У них так принято... Странные люди, ей богу!

Мысль о том, чтобы быть у женщины первым, оказалась неожиданно возбуждающей. То есть, он и до этого был на взводе, а стоило только представить, как это могло бы быть... как тесно и жарко – будто бы контрольный в голову пропустил. Кровь вскипела, наполняя тело сумасшедшим примитивным желанием.

- Сколько ей лет? – спросил зачем-то.
- Да, вроде, восемнадцать. Слушайте, ребята, я с ней детей не крестила. Что вы мне здесь за допрос с пристрастием здесь устроили?! – вдруг психанула Ленка.
- Ладно-ладно, малыш! Не сердись... – приобнял девку Кощеев, – пойдем лучше, закажем тебе шампанского, да?

В тот день Александр к ней так и не подошел. Наблюдал со стороны, нисколько не сомневаясь, что скоро... совсем скоро она будет его. Потому, что он так хотел!

- Александр Александрович, приехали.
- Все еще погруженный в воспоминания, мужчина удивленно осмотрелся. Ах, да... Больница. Вышел из машины, набирая номер Глеба.

- Организуй мне доступ в палату и встречу с лечащим врачом.
- Третий этаж. Налево. Она в реанимации.
- Стиснув зубы, Александр сбросил вызов и шагнул в лифт, не глядя на следующую за ним по пятам охрану.

- Где она?
- Прямо за этой дверью. Тебе нужно надеть...
- Брезгливо поморщившись, Чалый натянул тесный, пропахший больничным смрадом халат. Он ненавидел этот запах. После всего, что ему пришлось пережить с Сашкой... ненавидел. Задержав дыхание, вошел в палату. Остановился возле кровати, скользнул взглядом по лежащей на ней женщине. И выдохнул со свистом. Он только сейчас осознал в полной мере, что она действительно умирает. Об этом свидетельствовала восковая бледность лица, темные провалы глаз, обострившиеся скулы и нос... И ненормальная тонкость рук, в которые были воткнуты иглы. От девочки, на которой он женился почти четырнадцать лет назад, вообще ничего не осталось. Тень... И та будто бы ускользала. Чтобы хоть как-то взять себя в руки, он отвел взгляд, который тут же зацепился за темные симметричные пятна чуть повыше запястья – следы его недавней несдержанности. Не в силах больше на это смотреть, Чалый резко отвернулся, и вышел из палаты:

- Глеб, я не понял... где эти чертовы врачи? Зови всех сюда.

Глава 4

– Что значит – попрощаться?

Александр никогда не считал себя тупым, но сейчас он абсолютно не понимал, что ему пытаются втолковать. Щуплый пожилой доктор, и доктор чуть покрепче – его возраста. Щуплый вздохнул:

– Александр Александрович, Лия Марсовна находится в критическом состоянии. Мы делаем все, от нас зависящее, но ее организм не справляется. Он истощен. Это чудо, что она вообще прожила столько...

– Вы не поняли, доктор. Она должна выжить, во что бы то ни стало. Вы можете использовать любые достижения медицины. Если больнице не хватает медикаментов, оборудования... мы предоставим любые необходимые лекарства и мощности. Консультации специалистов мирового уровня, мы...

– Александр Александрович... – перебил его собеседник, – боюсь, что уже слишком поздно что-либо предпринимать. Но, как я уже сказал, мы делаем все, что можно...

– Значит, сделайте то, что нельзя! – рявкнул Чалый.

– Саша! – одернул друга Глеб.

Более молодой врач покачал головой.

– Послушайте... У нее нарушена работа всех внутренних органов! Кровяной ток замедлен, давление, как у трупа, и критическое содержание всех важных минералов в крови! Нарушен электролитный баланс, что негативно сказалось на работе сердца. Оно останавливается! И в такой ситуации ничего нельзя сделать! И никакое оборудование здесь не поможет! Вы действительно не понимаете, что не все в мире происходит так, как вам хочется?!

Крылья носа Чалого дрогнули. Что себе позволяет этот докторишка?

– Что еще можно сделать для того, чтобы она выкарабкалась? – презрительно отвернувшись от младшего из мужчин, требовательно поинтересовался у старшего.

– Прежде всего, ей самой нужно захотеть жить, – покачал головой тот, – извините, но у меня много дел...

– И что, больше никаких рекомендаций?! – сыпал искрами из глаз Чалый.

– Молитесь.

Молиться? Молиться?!

– Нет, ты это слышал, Глеб? – мужчина изумленно обернулся к другу.

– Саша... Ты же видел... Она действительно умирает.

– Нет... Нет! Этого не случится.

– Ты не Бог, Чалый. Как бы высоко ты ни забрался, ты не стал Богом. Иногда мне кажется, что все несчастья тебе посланы именно для того, чтобы ты это усвоил. Но, к сожалению, жизнь ничему тебя так и не научила.

– Пошел вон...

– Да пойду, не вопрос... С кем только ты останешься? Придурок...

Глеб действительно развернулся и ушел. Александр покосился на топтавшихся рядом и делающих вид, будто ничего не слышат, парней и нервно провел рукой по волосам. Вдруг, откуда ни возьмись, выскочила целая группа людей в халатах, и помчались они прямо в палату к Лие.

– Что случилось? – прокричал он, следуя вслед за ними.

– Остановка сердца! Выйдите немедленно! Ну же!

Александр покачал головой. В это время кто-то распахнул халат у Лии на груди. И время как будто замерло. Зрение обострилось. Словно в нем резко проснулась до этого дремавшая супер-способность. Он так отчетливо все видел... Сосредоточенные лица врачей...

– Эпинифрин, внутрисердечно!

...кровь, наполняющая шприц... Плавное движение поршня... Сильные умелые движения мужских рук, делающих непрямой массаж сердца... Подъем клапана аппарата ИВЛ... трещинки на плитке, покрывающей пол, скол на корпусе новенького монитора...

– Ну же, девочка...

– Запустили... Бешеная аритмия. Фибрилляция желудочков...

– Дефибриллятор. Заряд...

– Есть...

... пот, струящийся по изборожденному морщинам лбу в общем-то нестарого реаниматолога, и снова эти чертовы синяки на ее руках...

– Ну, вот и все, девочка... Вот и все!

Память снова уносит. Туда, годы назад... Когда между ними все только лишь начиналось. И не стояло ничего...

– Ну, и задал ты мне, Чалый, задачку... Попроше девочку найти не мог?

– Глеб? Узнал что-нибудь?

Несмотря на полную ж*пу проблем, новостей о Лие Александр ждал с нетерпением. С градостроительной комиссией ни черта не срасталось, и дело всей его жизни катилось прямехонько в ад... Так, что мысли о девчонке в последнее время стали для него единственной радостью. Приятным разнообразием в целом ворохе свалившихся на него неурядиц.

– Узнал... И ты не поверишь, что я нарыл! Угадай, как ее зовут?

– Лия. Её зовут Лия.

– Да, необычное имя. Не наше... А знаешь, как будет полностью?

– Глеб, вот какого хрена, а? Мне сейчас не до этих гребаных загадок!

– Бахтиярова Лия Марсовна. Сечешь?!

– Да ну...

– Единственная дочка Бахтиярова.

– Да он же старик совсем...

– Ребенок поздний. Ты прав. Ему уже хорошо за сорок было, когда она родилась.

Чалый кивал головой, а сам мысленно прикидывал, как эту информацию можно использовать с выгодой для себя. Девку он хотел – факт. Но и прогнуть комиссию под себя было делом принципа... А если Лия действительно дочь Бахтиярова, то...

– Поматросить и бросить этот нежный цветочек у тебя точно не выйдет. Я пробил. Девка – кремьень. – Глеб открыл бар, налил себе коньяка и, вольготно откинувшись в кресле, задумчиво поинтересовался: – Слушай, а ты никогда не думал жениться?

Александр вскинул голову, смерив охранника пристальным взглядом.

– Ну, а че... Зятю пойти навстречу – святое дело. Будет у нас эта градостроительная комиссия из рук кушать. С таким-то тестем!

Жениться? Ему? Нет, он, конечно, знал, что рано или поздно это придется сделать... Обзавестись женой и наследниками, которым впоследствии он передаст свои капиталы, но... Он всегда думал, что сделает это ближе к сорока. Но никак не в тридцать два года. Он-то для себя еще и пожить не успел. Вкалывал всю жизнь, как раб на галерах, но все его усилия стали окупаться лишь совсем недавно. Александр не успел насладиться возможностями, которые перед ним открывал мир больших денег. И не собирался связывать себя по рукам и ногам именно сейчас. Но... Лия его действительно зацепила, а если еще учесть, какие выгоды мог привнести в его жизнь брак с ней, то...

– Не знаю... Нужно все хорошенько обдумать.

– Думай-дума. Да только недолго! Времени нет совсем...

– Можно подумать, я сам не знаю, – фыркнул Чалый.

Заполучить Лию было легко. Она была абсолютно неискушенной. А он наверняка знал, как этим воспользоваться. Понимая, что эта девушка вряд ли станет знакомиться с мужчиной на улице, они с парнями разыграли целый спектакль. По незамысловатому сюжету которого на Лию было совершено нападение. От беды ее спас, конечно же, Чалый. Чем навеки завоевал расположение обеспокоенных родителей девушки. Так он впервые встретился с Бахтияровым в неформальной обстановке. Попивая в скромной чистой кухоньке чай, Александр в который раз удивился непоколебимости принципов будущего тестя. Ведь сидя на таких потоках, тот, похоже, действительно жил по совести. Иначе бы Чалый наблюдал совсем другие интерьеры – факт.

Руки Лии он попросил уже через две недели. Через месяц сыграли свадьбу, а еще через неделю он, наконец, решил вопрос с землей. Все складывалось – лучше некуда. Впервые в жизни он был настолько счастлив.

– Выйдите из палаты, – распорядился усталым голосом Николай Георгиевич. Так звали Лиино спасителя.

Александр бросил еще один взгляд на бывшую жену. Маленькая. Такая ненормально маленькая... Такая хрупкая!

– Мне можно будет попозже зайти?

– Господи... Вы всегда торгуетесь?! Сейчас не время, уважаемый...

– Ладно... Но позже я все же зайду, – упрямо повторил Чалый.

Стащив с головы шапочку, мужчина вытер ею испарину на лбу и выкинул в мусор.

– Выметайтесь. Предоставьте возможность медикам делать свою работу.

Ладно... Выметайтесь, так выметайтесь... Его дома ждет сын. Который тоже совсем недавно чуть было не умер. И несмотря на то, что Глеб утверждал, будто бы он не вынес урока из его болезни, это было совершенно не так. Теперь он знал, что главное всего. Знал!

– Привет, супермен...

– Привет, папа! – улыбнулся Сашка, повиснув у отца на шее.

Раньше Александр непременно сказал бы, что настоящие мужчины не тискают друг друга, но теперь все изменилось. Он был счастлив, что у них с сыном есть такая возможность. Обняться...

– Как твои успехи?

– Нормуль. Этот репетитор по физике такой зануда...

– Тебе нужно наверстывать материал.

– Я знаю. Но было бы круто, если бы в этом нелегком деле мне помогал кто-то, не такой отстойный.

– Эй, у него отличные рекомендации...

– Да кого это волнует!

Чалый усмехнулся и приземлился на постели сына:

– Че смотришь? – перевел тему, зная, что ныть по поводу не оправдавшего его надежды репетитора Сашка мог до скончания века.

– Пересматриваю Мстителей.

– И не надоело тебе?

– Разве могут надоест настоящие супер-герои? Лично мне, глядя на них, хочется верить, что такой герой живет в каждом из нас.

Ага, конечно... – подумал Чалый, – жаль только, что, как правило, это Человек-долбо*б.

– Ух, что ты тут набросал в кровати?

На лицо Сашки набежала тень. Александр настороженно вынул из-под собственной задницы старую фотографию. Нервно сглотнул:

– Где ты нашел ее?

– Неважно, пап... Просто... Просто мне сегодня приснилась мама, и... Я понимаю, что ты не хочешь о ней даже слышать, действительно понимаю, но...

– Но?

– Не знаю... – Сашка вскочил. – Не могу объяснить! Она вообще в курсе, что я мог умереть? Ей, что... ей вообще все равно? Она ведь даже не позвонила!

Чалый откашлялся. Он, конечно же, не стал рассказывать Сашке правду обо всем случившемся, а потому думал, что они уже давным-давно переступили через прошлое. А теперь оказалось, что он допустил серьезный просчет. Возможно, даже катастрофический. Что... если Лия умрет? Простит ли ему Сашка, когда докопается до сути? И как эти все волнения скажутся на его здоровье?

– Кхм... Не думаю, что ей все равно...

– Тогда почему она не приехала? Почему, папа?!

Не зная, что ответить сыну, Чалый вновь опустил взгляд на фотографию. Лия была на ней запечатлена глубоко беременной, а так и не скажешь... Живот у нее был удивительно аккуратным. А вот грудь увеличилась едва ли не наполовину. Ему жутко нравилась она такая. Налитая... Наполненная его мужественностью под завязку. В тот период он бы вообще с нее не слезал. Если бы мог себе такое позволить... Будто бы помешался на ней... А может, так оно и было? Моргнул, отгоняя непрошенные воспоминания. У этой девушки было мало общего с женщиной, которую он увидел в реанимации. Хотя уже на этом фото в ее зелено-карих глазах притаилась печаль... О чем она грустила? Что было причиной, и почему он никогда раньше об этом не задумывался?

– Может быть, она просто не знала...

– Ты ей не говорил?! – широко распахнул глаза Саша.

– Нет. Мы не поддерживали связи. Совсем. Я не знал, где ее искать.

Вранье, конечно. С его возможностями, Чалый бы уже через несколько минут получил нужную информацию, задайся он такой целью.

– Я хотел бы ее увидеть, – тихонько прошептал мальчик, отвернувшись к окну. – Мне приснилось, будто бы она мне пела... Она пела мне когда-нибудь?

– А ты не помнишь?

– Не знаю. В памяти все смешалось. Я уже не понимаю, что мне приснилось, а что было в действительности...

Александр тоже встал. Подошел к сыну почти вплотную. Положил руки на его худенькие плечи. Отобрав у Лии ребенка, он наказал ее за измену. Дикая ярость и черная ревность затуманили мозг... Хотел бы он сказать, что не отдавал отчета своим действиям, но... это было не так. Он ломал её сознательно и умеючи. В тот момент Чалый не думал, как его решение отразится на ребенке, который привык к материнской ласке. Жажда мщения перекрывала доводы разума. Он хотел лишь одного – любой ценой ее уничтожить. Заставить платить по счетам. Со всей жестокостью и изощренностью, на которую только он был способен. Но... прошло столько лет. Пыль от его поступков осела. И... что теперь?

– Она пела, Саша. Всегда пела тебе колыбельные. Даже когда ты стал слишком большим для этого.

Глава 5

За чертой не было ни-че-го... Ни чудесного белого света, ни райских садов, ни адского пламени. Только вязкий сизый туман, который оставлял липкий след на ее увядающей коже.

Лия больше не боялась смерти. В ее жизни не было ничего такого, за что ей стоило бы цепляться. Ни-че-го... Только лишь пустота... И если бы она верила в существование рая, то, вполне возможно, восприняла бы смерть за благо. Однако веры тоже не было. Пустота была абсолютной и всеобъемлющей.

Лишь в голове хаотично роились мысли. Обрывки воспоминаний и когда-то сказанных слов... Теплые руки отца, нежный аромат матери, ее колыбельные, смех... Незначительные эпизоды ее ничем не омраченного детства, от которых теплело на душе. Но память услужливо вытаскивала на поверхность и все то, что она вспоминать не хотела.

Вспомнился Чалый. День их знакомства. Его образ возник в голове так ясно и отчетливо, как если бы все происходило совсем недавно. Будто годы, разделяющие тот день и этот, тоже подернулись дымкой тумана...

Лия возвращалась из института, когда два парня зажали ее в переходе. Даже сейчас она ощущала отголоски парализующего ужаса того момента. Чувствовала его металлический вкус на губах. Страх всегда ассоциировался у неё со вкусом крови... В переходе воняло мочой и подгнившими фруктами, которые незадачливые уличные торговцы бросили здесь же в простой картонной коробке. Она задыхалась от этого смрада. А может, дело было совсем в другом...

– Эй, ну-ка, отвалите от неё! – раздался тихий голос у девушки за спиной.

– А то что? – заржал хулиган, доставая нож из кармана.

Лия зачарованно уставилась на клинок. Но, несмотря на наличие оружия у нападающего, страх потихоньку отступал. Незнакомцу удалось ее успокоить одним своим голосом. Собранным и уверенным. Спокойным... Абсолютно его не зная, она почему-то сразу решила, что этот мужчина говорил лишь тогда, когда не мог не сказать. Во всех других случаях – он предпочитал действовать. Так и вышло... Короткий отточенный удар – и она на свободе.

– Александр, – представился спаситель, протягивая ей руку.

– Лия... – шепнула едва слышно.

Мужчина коротко кивнул и повёл ее прочь из перехода. Его поступь была уверенной, а движения отточенными. В нем самом, как в лёжке у снайпера, вообще не было ничего лишнего. Лишнего и напускного. Того, что ей так не нравилось в современных мужчинах.

Воспоминания о тех днях Лия давным-давно в себе похоронила. Между обгоревшим искалеченным трупом своей любви и почившими в бозе клятвами верности. Что вернуло их из небытия? Зачем?

Сквозь молочный туман до неё донёсся до боли знакомый запах. Так мог пахнуть лишь один человек. Когда-то его аромат ассоциировался у Лии с тишиной и покоем, она любила его...

В день их знакомства её не хватило надолго. Они прошли всего полквартиры, когда Лию накрыло волной панической атаки. Он понял все! Прижал к себе и приказал:

– Дыши.

И она, на смее ему перечить, дышала. Дышала им... Его эксклюзивным ароматом... Лие почему-то казалось, что по этому запаху она с закрытыми глазами могла определить, что он за человек. Но, в том-то и дело, что просто казалось... Александр теснее сжал ее в руках, и в тот миг до нее вдруг дошло, каким горячим он был. Лия почувствовала, как тепло мужчины проникает в ее крепко прижатое к нему тело и мягким клубком сворачивается внутри. Впервые в жизни она испытала желание...

Он был таким красивым... Не той слащавой прилизанной красотой, которой блистали парни-модели на обложках глянца. А красотой, присущей лишь настоящим мужчинам. Она прослеживалась во всем его облике. Темных живых глазах, хищном и мужественном профиле, не улыбающихся губах... Александр был воплощением всех ее девичьих грез. Она упала в любовь в тот же миг...

Долгие годы спустя Лия будет спрашивать себя, куда же подевались их чувства? Почему они пришли к такому ужасному, трагическому финалу? Когда же все началось? Когда скромные букетики хризантем без всякого повода переросли в огромные букеты роз строго по праздникам? Когда на одно долгожданное сообщение стала короче их переписка? Когда его улыбка стала смокингом, который он надевал лишь на выход и для чужих? Когда стал прикрывать рукой свои письма? Когда любой ее вопрос стал расцениваться, как посягательство на его свободу? Когда он стал приглашать ее в ресторан, чтобы накормить, а не порадовать? Когда все приятные глупые мелочи, на которые она по наивности была щедра, стали раздражать его, а слезы – злить?

И только когда Чалый ее сломал, Лия поняла, что просто обманывала себя, задавая эти вопросы. Все было гораздо более прозаично... Любви просто не было. По крайней мере, с его стороны. Но в день своей свадьбы Лия не знала об этом. Как и любая другая влюбленная женщина, она пребывала на десятом небе от счастья. Будущее представлялось ей радужным и безоблачным. И жадные взгляды Александра, которые он то и дело бросал на неё, лишь добавляли ей в этом уверенности.

– Ты опять покраснела... – заметил Александр, небрежно забрасывая руку прямо поверх фаты на ее хрупкие плечи.

– Здесь жарко, – отвела взгляд девушка, ужасно смутившись.

– А по-моему, здесь дело в другом, – тихонько рассмеялся Чалый и, наплевав на то, что «горько» им никто не кричал, впился ртом в ее губы. А потом резко отстранился. Вышел из-за стола.

– Ты куда? – всполошилась Лия.

– К черту их всех. Мы уходим...

Ей было ужасно неловко уходить вот так... посреди праздника. Когда каждый сидевший за столом понимал, куда они направляются, и зачем. Но возражать мужу Лия не смела. Она была воспитана совершенно иначе. В некотором роде ей даже льстило его нетерпение.

Он начал ласки еще в машине, а Лия никак не могла расслабиться. Не могла забыть, что в зеркало заднего вида за ними наблюдал водитель. Ее девичья честь подверглась серьезному испытанию. Особенно, когда Александр принялся поглаживать ее соски, проникнув под корсаж большими пальцами.

– Саша! Здесь же водитель...

– Забей... Он на нас даже не смотрит.

– Нет!

– Ладно... – выдохнул мужчина, откидываясь головой на спинку кресла, – ладно! Я подожду до дома.

Лия заходила в свою новую квартиру на подгибающихся ногах. Она хотела стать его женщиной во всех смыслах этого слова, но, ко всему прочему, ей было ужасно страшно. Она боялась боли, боялась неизвестности, боялась не оправдать его ожиданий! Она столько всего боялась на самом деле! А потому была зажата и ужасно напряжена. Но, будто бы не замечая ее состояния, Чалый едва ли не с порога накинулся на жену. Его сильные руки подрагивали, а глаза горели демоническим огнем.

– Господи, сколько пуговиц... – бормотал он, дергая за крохотные жемчужинки на спине. А те не поддавались, словно изо всех сил, по только им одним известной причине, противились происходящему. Лию обуял ненормальный суеверный страх.

– Саша...

– Красавица, какая же ты красивая... Моя... – абсолютно не слыша ее, бормотал себе под нос мужчина и нежно гладил наконец освобожденную из плена корсета грудь. Завороженный... Загипнотизированный видом ее темно-коричневых, сжавшихся от страха, сосков.

– Хочешь, меня? Хочешь?! Они тебя выдают... – Александр резко повернул жену к зеркалу и прижался к ней со спины. Жар стыда опалил щеки и спустился по шее вниз. Прямо к груди, которой ее муж так восхищался. Лия отвела смущенный, затравленный взгляд в сторону. Александр хохотнул, забавляясь ее неловкостью. А потом резко посерьезнел. Обхватил аккуратную грудь руками, сжал отвердевшие вершинки, провел по ребрам, резко потянув юбку вниз. Лия закрыла глаза и сцепила зубы, убеждая себя, что все пройдет хорошо. И ей даже удалось взять себя в руки. Она нашла в себе силы открыть глаза, но тут же в панике резко зажмурилась. Александр успел раздеться... Теперь и она имела возможность увидеть его во всем пугающем великолепии.

– Ну, же, Лия... Открой глаза. Смотри, что ты со мной сделала...

А она не могла... Вид его вздыбленной плоти настолько сильно ее испугал, что, будь у нее такая возможность, она бы вообще убежала. Лия не понимала, как эта штуковина, похожая на обрубок сервелата, может в ней уместиться, не причинив вреда. Даже нотки раздражения в голосе мужа ее не пугали так сильно.

Александр подтолкнул ее к кровати. Так и не разжимая глаз, девушка упала на постель.

– Лия... – голос мужа стал намного более требовательным. Она приоткрыла веки и зачарованно на него уставилась. Медленными движениями руки он поглаживал себя по всей длине и сверлил ее взглядом. Второй рукой он поддел край её довольно скромных белых трусиков. Сдвинул их вбок, впервые касаясь жены между ног. Его пальцы подрагивали, и были ужасно горячими. Лия всхлипнула. Продолжая свои настойчивые поглаживания, мужчина сместился немного вниз, втянул сосок в жаркую влажность рта. Одновременно с этим крупный длинный палец нащупал вход в ее тело и настойчиво туда толкнулся. Лия застонала.

– Сейчас, милая, сейчас... – а потом он опустил жену между ног и, ни секунды не раздумывая, в нее вошел.

– Да... Вот так... Как же хорошо, Лия... Твою ж мать, детка...

Какой там хорошо?! Она едва не закричала от острой, раздражающей на куски боли. Сместилась, в попытке избавиться от мучений, не выдержав, тихо всхлипнула. Но этот жалобный звук не остановил ее мужа. Он как будто впал в какое-то совершенно невменяемое состояние. Чалый рычал, хрипел, задыхался от страсти, и все сильнее в нее врезался. Абсолютно ее не щадя, не уступая ни миллиметра пространства. Лие нравилось, что он был большим. Ей в этом виделась надежность, основательность и безопасность. Но в день свадьбы, придавленная его немалым весом, она испытывала лишь страх. Полнейшую неспособность ему противостоять... Даже если бы каким-то чудодейственным образом в ней появилась решительность это сделать. Наконец все закончилось. Он как-то особенно больно въехал в нее в последний раз и, тихо выругавшись, кончил. Прямо на нее.

Воспоминание оборвалось. Лия открыла глаза. И резко зажмурилась – электрический свет стал слишком большим испытанием для ее рецепторов. Она помнила, как ей стало плохо, помнила, как упала... Но женщина не знала, как очутилась в больнице. Кого ей благодарить за спасение жизни? Или... кого проклинать? Сощурившись, медленно осмотрела комнату. Ничего интересного... штатив с капельницей, работающий монитор... Тумбочка, стул в углу. Она была совершенно одна, но этот стул... и навязчивый аромат Чалого в воздухе свидетельствовали о том, что без него здесь точно не обошлось. Смешно – он отнял у нее даже право умереть.

Лия была слаба. Тело совершенно ее не слушалось. Но она все же нашла в себе силы изменить положение. Затекавшие мышцы нехотя подчинились. Она покосилась на тревожную

кнопку, не зная, как ей дальше поступить. Вызвать медиков, или дать себе еще немного времени... Последнее желание в Лие возобладало. От нечего делать, она стала прислушиваться к себе. Она не испытывала сильного восторга по поводу своего возвращения в мир живых. Но и не печалилась особо... На каком-то этапе жизни Лия поняла, что от человека в этом мире вообще мало что зависит. Особенно, если этот человек – простой смертный. Были, конечно, люди, подобные ее бывшему мужу. Их власть была настолько запредельной, что порой они уподоблялись богам – решали чьи-то судьбы, казнили и миловали... Но и они были пешками в игре более могущественных игроков.

Так что, если кто-то свыше решил, что ей нужно вернуться – противиться было бессмысленно. Даже если бы этим кем-то был вовсе не бог, а Чалый. А вот, собственно, и он...

Глава 6

В отличие от нее самой, Чалый нисколько не раздумывал над тем, как ему поступить дальше. Стоило ему увидеть ее открытые глаза, как он тут же вызвал подмогу. Спустя пару минут ее палату заполнили медики. Они что-то мерили, изучали, спрашивали... А он бесцеремонно стоял у стены и настороженно наблюдал за всем происходящим. Видимо, за время, что они не виделись, ее бывший муж так и не обзавелся чувством такта. А она... Она, напротив, много чему научилась! Например, абсолютному контролю, что бы ни происходило.

Дверь за врачами закрылась лишь минут двадцать спустя. Казалось, они сами не верили, что пациентка выкарабкается. И то, что это все же случилось, не абы как их взволновало. Лия не спрашивала их о прогнозах, они сами выразили робкую уверенность, что теперь все пойдет на лад.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался Чалый, когда за ними закрылась дверь.

– Недостаточно хорошо, чтобы выносить тебе донора.

– Не мне! – рявкнул Чалый. – Саше!

Лия не стала ничего отвечать. Она устала. И чувствовала, что была все еще не в силах анализировать ситуацию, в которую её пытался втянуть бывший муж. Когда организм получает недостаточное количество пищи, мозговая активность нарушается. Ты соображаешь намного медленнее, а на многое вообще перестаешь обращать внимание. Память ухудшается, с концентрацией – беда. Лия прекрасно понимала, что в таком состоянии она просто не может все осмыслить должным образом... Не может до конца понять, а тем более – разобраться в себе. Возможно, кто-то бы ее осудил. Сказал бы, что она плохая мать, раз не хочет, во что бы то ни стало, спасти своего ребенка. Возможно... Когда-то и она думала, что никто и никогда у нее его не отнимет. Что она защитит сына. Собственной грудью закроет... Лия ошибочно полагала, что в ней достаточно смелости и отваги, чтобы противостоять всему! И тогда, шесть лет назад, она умерла бы за сына, если бы это понадобилось. Только смерть ему никогда не грозила. В отличие от нее самой... Выбирая между смертью и жизнью без сына – она выбрала жизнь. А потом шесть лет пыталась доказать, что оно того стоило...

– Не надо тебе здесь находиться... – выдавила из последних сил. – Иди... к Саше. Ты ему нужнее.

– А с тобой...

– А я и одна справлюсь. Без твоего присутствия у меня гораздо больше шансов выкарабкаться. Поверь.

Она не видела лица бывшего мужа, когда он уходил. И даже не слышала его шагов – несмотря на набранный с возрастом вес, он передвигался все так же плавно. Но по тому, как резко ее окатило новой порцией его аромата, Лия поняла, что он уходил быстро. Наверное, едва сдерживая клокочущую внутри ярость. Глотая резкие колющие слова... Да по хр*ну. Сейчас ей нужно было сконцентрироваться на себе.

Более-менее Лия пришла в себя только дня через три. Бесконечные капельницы и уколы сделали свое дело. Ранним пятничным утром Лия почувствовала, что ей действительно лучше. Настолько хорошо, что ее даже перевели в другую, частную клинику. Она знала, кто за этим стоит. Знала, и... Просто старалась об этом не думать. Когда все закончится, она найдет способ, как ему вернуть долг. Когда все закончится...

Её новая палата была небольшой, но какой-то уютной... Удивительно, но даже пребывание на больничной койке деньги делали вполне себе сносным. Лия подошла к окну, за которым открывался прекрасный вид. Запорошенные снегом скамейки, тщательно расчищенные дорожки в окружении вечнозеленых деревьев, и веселые огоньки фонарей...

Лие не доводилось раньше бывать здесь. Она даже не знала, какой направленности была эта клиника. Однако нисколько не сомневалась, что абы куда Чалый бы её не поместил. За спиной с тихим, практически бесшумным щелчком открылась дверь. На пороге комнаты возник высокий мужчина. Лия сложила руки на груди и вопросительно приподняла брови:

– Здравствуйте, Лия Марсовна. Лия... Можно к вам обращаться просто... по имени?

Голос незнакомца оказался приятным и мелодичным. Располагающим... спокойным. Она вдруг некстати подумала, что слово «спокойный» как раз и характеризует это место лучше всего. Спокойным здесь было все: благородный неброский интерьер, пейзаж за окном, букетик белых хризантем на прикроватной тумбочке и мягкий свет от лампы с абажуром...

– Да, конечно... – кинула головой Лия, присаживаясь на край довольно просторной кровати. – А... вы?

– Реутов Евгений Павлович. Я здесь всем заведую... Так что, если что-то нужно – милости прошу. Обращайтесь.

– Спасибо. Запомню на будущее.

– В папке на тумбочке лежит листок с расписанием дня. Но это, конечно, довольно условно.

Лия кивнула головой. Ей сейчас совсем не хотелось читать какие бы то ни было бумажки. Женщина хотела свернуться комочком, накрыться мягким клетчатым пледом, который она заприметила в углу, и просто отключиться от всего происходящего.

– Хорошо, – вместо этого покладисто согласилась она. – Это все?

– В общем-то, да. Через час у вас ужин. И мы еще непременно увидимся.

– Я не очень хочу есть...

– Да, не расскажете, почему? Как это началось? С чего?

– А вы, что же, Евгений Павлович, прямо сейчас психоанализом решили заняться?

– Господь с вами, Лия Марсовна. К этому я пришел еще на первом курсе медуниверситета.

Лия фыркнула. Слова мужчины прозвучали ужасно старомодно. Но, стоило признать, тепло. Вполне возможно, ей бы даже могло понравиться с ним общаться. Когда-нибудь потом. Когда на это появились бы силы и желание. А в этот раз она просто пожалала плечами:

– На самом деле, это не так уж и важно.

– Вы правы. Сейчас вам действительно стоит немного отдохнуть и осмотреться. Я зайду к вам с ужином. Около семи. Идет?

Что она могла сказать? Повторить, что у нее нет аппетита? Так в этом и заключался смысл ее пребывания в этих стенах... Она должна была побороть свой недуг. Преодолеть его. А для этого ей нужно было во что бы то ни стало заставить себя питаться.

Когда за доктором закрылась дверь, Лия сделала то, чего ей давно хотелось. Она забралась под одеяло и отвернулась к окну. Ее движения были такими же заторможенными, как и мысли. Не противясь усталости, женщина опустила веки и провалилась в глубокий сон.

Ей снова снился Чалый. Не в кошмарах, как это было совсем недавно. Сейчас ее сны больше походили на воспоминания. Яркие, живые, объемные... Время словно повернулось вспять.

Первые дни их совместной жизни были настолько странными! Наполненными такими разными эмоциями, чувствами, переживаниями... Она любила! Она так сильно любила... Не видя в Александре ни единого изъяна. Не замечая его пороков, минусов и несовершенства... Единственным недостатком в своей жизни с мужем Лия считала секс. Она понимала... читала в литературе, что секс не может и не должен быть таким болезненным, но первые несколько месяцев она действительно ТЕРПЕЛА. Боль. Пронзительную, режущую, ненормальную! А Чалый ничего не замечал, и занимался с ней любовью, как одержимый. Нет... Не так. Он не умел любить. Он трахал. Сейчас Лия понимала, что довольно властно и жестко. А тогда ей не с чем

было сравнивать. Она не его считала уродом. Себя! Фригидной, ни на что не годной глыбой льда. И, конечно, ей и в голову не приходило поделиться с мужем своими переживаниями. Лия стыдилась их практически так же, как и всего того, что он проделывал с нею за закрытыми дверями спальни...

Только спустя несколько месяцев секс стал хотя бы терпимым. Она уже не сжималась от боли, стоило ему забраться к ней в трусики. Но и особого восторга от всего происходящего Лия также не испытывала. Просто безропотно делала все, что он хотел. Раздвинуть ноги на барной стойке? Пожалуйста! Она зажимуривалась от стыда и молча подчинялась. Любимый желает сзади? Ну... Так даже лучше. По крайней мере, он не увидит ее слез, если боль снова вернется.

– Лия... Лия! – донесся голос сквозь сон.

Лия подняла подрагивающие веки, уставившись на склонившегося над ней мужчину.

– Пора ужинать.

Лия медленно заторможенно моргнула и, облокотившись на локоть, немного сдвинула корпус. Это что же? Ей приснился эротический сон с Чалым в главные роли? Смешно! По какому поводу память выдает эти перлы? Хотела бы она знать...

– Я сейчас... Только умоюсь.

Лия дошла до ванной комнаты, сходила в туалет, смыла с себя остатки сна. Когда вернулась в палату, чувство было такое, что она прошла минимум километра три. Евгений Павлович установил переносной стол на тумбе, а сам устроился в кресле, вытянув длинные ноги вперед. Его внешний вид слабо вязался с образом успешного психотерапевта. Он выглядел... не слишком солидно. Удлиненная, абсолютно немодная стрижка, которую Лия отметила как-то сразу, тощее вытянутое лицо с длинным приплюснутым на кончике носом, широкий разрез рта с тонкими улыбчивыми губами – одним словом, никакой солидности. Да и возраст... Вот, сколько ему? Лет тридцать?

– Вы каждого пациента пытаетесь накормить лично?

– Нет. Только самых очаровательных. Ну же, Лия, присаживайтесь.

– Раз уж так, то давайте на «ты».

– Идет. Ну-ка... Что у нас сегодня на ужин? Тыквенный крем-суп. Как раз то, что нам надо! – радостно вскочил, будто не сам утверждал ее меню. Лия покачала головой и нехотя взялась за приборы. Первая ложка – всегда самая тяжелая. Главное, заставить себя съесть ее, а дальше будет легче. Лия опустила взгляд в тарелку. Мазнула ложкой по ярко-оранжевой жиже. Приятный цвет. Радостный. Не вызывающий отторжения. Первая порция отправилась в рот.

– Вкусно.

– У нас чудесный шеф-повар, – улыбнулся Евгений Павлович. – Вижу, вам и впрямь понравилось, – удивился тот, наблюдая, как она ест.

Лия пожала плечами. То, что ей удалось что-то впихнуть в себя, еще не означает, что это что-то в ней и останется. Он должен об этом знать.

– Я ознакомился с твоей медицинской картой... – нерешительно начал психотерапевт. – В ней говорится, что вы не стремились похудеть.

– Я никогда не была толстой.

– Обычно именно стремление женщины к идеальным формам становится причиной анорексии.

– У меня не анорексия.

– Да. Я читал... В симптомах описано, что ты просто утратила аппетит.

– Так и есть.

– Когда ты это поняла? Кстати, можно, я включу диктофон?

– Зачем? – Лия отложила ложку и настороженно осмотрелась.

– Так я буду уверен, что ничего не упустил из твоего рассказа.

– Мы не говорим ни о чем существенном.

– Почему же? Я кое-что начинаю понимать для себя. Так когда ты поняла, что у тебя пропал аппетит?

Лия пожала плечами. Она съела совсем чуть-чуть, но этого оказалось достаточно, чтобы ее снова начало клонить в сон.

– Не помню, как я это поняла. Просто однажды открыла холодильник и увидела, что все продукты покрылись плесенью. Не то, чтобы в нем было много продуктов, но... Оказалось, что я не ела уже черт знает сколько.

Евгений Павлович кивнул. Задумчиво потер подбородок:

– Как ты считаешь, что стало тому причиной?

– Это вы мне скажите, доктор, – уклонилась от ответа Лия. У нее не было никакого желания делиться с человеком Чалого своими переживаниями. Она вообще не знала, может ли кому-нибудь рассказывать о том периоде своей жизни. Даже тому, кого бывший муж нанял, чтобы помочь ей оклематься. Хотя, наверное, без откровенного разговора вряд ли что-то получится.

Евгений Павлович не стал гадать. И Лия была благодарна ему за это.

– Лия... Для того, чтобы терапия была успешной, нам нужно наладить контакт. Мы должны разобраться в первопричине болезни, а для этого ты должна рассказать мне о своих страхах. Иначе ничего не выйдет. Постарайся сосредоточиться на нашей цели и отгородиться от всех других травмирующих факторов.

Он был такой смешной, что, несмотря на усталость, Лия широко улыбнулась:

– Знаете ли, очень сложно отгородиться от, как вы выразились, «всяких травмирующих факторов», когда самый главный из них платит вам за работу.

Совершенно однозначно ее слова смутили психотерапевта. И это оказалось неожиданно для нее. То, что еще остались люди, в принципе способные испытывать это чувство. Лично она – давно разучилась.

– Ладно... – взмахнула рукой, – не берите в голову. Это я так... От бессилия. Может быть, у вас есть более легкие вопросы? Те, на которые я могу ответить без... В общем, без дополнительных инструктажей от «самого главного травмирующего фактора»?

Евгений Павлович покачал головой и тихонько заметил:

– Без откровенности ничего не выйдет, Лия. Вы должны быть, прежде всего, откровенной.

Лия отставила от себя еду, пряча взгляд. Она не знала, что тут можно ответить. Не была уверена в том, что хочет рассказывать о том периоде своей жизни, и что в принципе выдержит этот рассказ. Слишком болезненный он был.

Глава 7

Александр проводил взглядом сына. Раньше в школу его всегда отвозил водитель, но после болезни Чалый взял эту обязанность на себя. Он старался как можно чаще видеться с Сашей. Нет, они и до этого все его свободное время проводили вместе – во-первых, потому, что действительно этого хотел, а во-вторых, из-за чувства вины, что с годами так и не утихло. Он отнял у сына мать. И должен был постараться, чтобы хоть как-то компенсировать ее отсутствие в жизни ребенка. После же того, как Сашка заболел, после всех тех страшных ночей, проведенных возле него в реанимации, желание Чалого постоянно видеться с сыном превратилось в острую в том потребность.

Он все чаще стал задумываться о том, чтобы отойти от дел. Не совсем, конечно, но... Чтобы оставалось время на жизнь, которая убегала, как вода сквозь пальцы. Что он в ней видел за сорок пять прожитых лет? По-настоящему видел? Не через окно дорогого автомобиля. А в принципе. Глобально. Вообще. Он. Король на вершине мира. Мальчик из нищего городка, который своим трудом взобрался на недостижимую для других высоту. Так много в пути потеряв... Он, который карабкался вверх, в то время как колесо жизни катилось. И чем дальше катилось, тем прозаичнее... А потом пришло горе. Беда. Чалый вскинулся, снова бросился в бой... И, вроде бы, удалось. Его мальчик поправился... Но те ночи, что он провел, наблюдая за свинцовым холодным рассветом в окне больничной палаты, заставили его о многом задуматься. Прежде всего, о том, о чем раньше не было времени поразмыслить. В стремительном темпе жизни, как оказалось, многое проходило мимо него. Но это Чалый понял лишь тогда, когда вынужденно остановился.

Ему сорок пять... И, возможно, считать время неправильно. Днями и годами – так точно. Детьми, путешествиями, хорошими людьми, интересными встречами, мгновениями счастья – можно. Но, когда Чалый начинал об этом задумываться, он понимал, что именно этого в его жизни и не было толком. А ему – сорок пять...

Как-то особенно громко зазвонил телефон.

– Да, Глеб? Как у вас?

– Нормально. Лия приступила к лечению. Но с тобой хочет переговорить Реутов... Психотерапевт, которого нам порекомендовали, – пояснил мужчина, вовремя сообразив, что Чалый даже не понял, о ком он говорит.

– Насколько я помню, его порекомендовали Лие. Мне-то на кой с ним разговаривать?

– Док говорит, что она не идет на контакт.

– Так сделай так, чтобы это случилось!

– Каким образом, Саша?! Я, что, бл*дь, волшебник? Ее болезнь – это, прежде всего, психологические проблемы. Ты хочешь, чтобы я их ей добавил?! Так при таком раскладе мы ее никогда не вылечим! И не видать Сашке донора, как своих ушей!

Чалый выругался. Похлопал водителя по плечу, чтобы тот свернул, и резко бросил в трубку:

– Говори адрес.

Клиника, в которой лечилась Лия, находилась за городом. По пятничным столичным пробкам они туда добирались два бесконечных часа. И даже мигалки не спасали – на выезде из тоннеля случилась авария – машинам просто некуда было подвинуться. Знал бы, что такая засада – взял бы вертолет. Большой город подчиняет своему ритму жизни. В прошлый раз перелет из Берлина занял гораздо меньше времени, чем дорога из аэропорта домой.

Доктор, который вызвал его на аудиенцию, оказался совсем не таким, каким Александр ожидал его увидеть. Не внушающим абсолютно никакого доверия. Выглядел он, как панк. Или

доморощенный хиппи. Что это вообще за прическа для мужика? Чалый слегка поджал губы. Евгений Павлович, напротив – улыбнулся.

– Добрый день, господин Чалый.

– Не такой уж он и добрый, признаться. Чем могу быть полезен?

– Да, вы присаживайтесь. Разговор нам предстоит долгий...

Чалый изогнул бровь, но все же уселся в предложенное кресло. Осмотрелся. Ну, что ж... Довольно миленькое местечко.

– Так, о чем речь?

Евгений Павлович перекатил ручку между ладонями и негромко начал:

– Вы, очевидно, в курсе, что Лия Марсовна находится в нашей клинике на лечении...

– Я оплачиваю ее счета. Конечно, я в курсе.

– Конечно, – повторил психотерапевт, и Чалый вдруг заподозрил, что тот его намеренно провоцирует. Но он бы не стал этого утверждать – разве что, Евгений Павлович – совсем дурачок. А дуракам не присваивают ученых степеней. По крайней мере, продвинутые европейские ВУЗы, в которых он проходил обучение, если верить собранному на Реутова досье. – Так вот, боюсь, у меня не слишком радостные известия. Лия Марсовна не идет на контакт.

– Придумайте что-то, – пожал плечами Чалый. – Разве не в этом состоит ваша задача?

– Безусловно, и в этом тоже. Но в случае Лии Марсовны очень много нюансов. Понимаете, о чем я?

– Нет, – отрезал Александр.

– Как бы вам объяснить...

– Желательно доходчиво.

Евгений Павлович вскинул взгляд. Хотя какой он, мать его, Павлович?

– Доходчиво? Хорошо. Лия Марсовна информацию выдает очень дозированно. Она открыто и, ничего не тая, рассказывает о своей болезни, о том, как она с ней боролась, какое лечение получала...

– Это ведь хорошо, так? – нетерпеливо перебил доктора Александр.

– Безусловно. Но, как и у любого психического расстройства, у расстройства Лии Марсовны, имеется первопричина. Именно о ней ваша бывшая жена говорить категорически не желает. А без этого я просто не могу приступить к терапии.

Чалый откинулся в кресле, скрестив руки на груди. Плевал он, что такая поза наилучшим образом демонстрирует его закрытость.

– А я... я здесь причем? – тихим, ласковым голосом поинтересовался мужчина.

– Лия Марсовна считает, что без вашего эээ... благословления она просто не может говорить на эту тему.

Вот оно – как. Выдрессировал девочку, оказывается. Впрочем, чему удивляться? За шесть лет она ни разу не нарушила данное ему обещание. Она не приближалась к ребенку, не ходила по телешоу, рассказывая о своей загубленной судьбе, не вымогала денег... Это он, наплевав на собственные убеждения, был вынужден к ней обратиться. Был вынужден надавить. Был вынужден снова увидеть... Видит Бог, он этого не хотел. Не хотел воскрешать давно погребенных демонов.

– Вы понимаете, о чем я говорю? – настаивал Евгений Павлович. Хм... Чалый его даже зауважал. Не всякий бы решился на него давить. – Лия Марсовна утверждает, что она не стремилась к похудению и была полностью довольна своим внешним видом.

Еще бы. Лия всегда выглядела прекрасно. У него крыша ехала от жены. С каждым годом все сильней и сильней. И даже время было не властно над его одержимостью.

– Обычно это самые распространённые факторы, провоцирующие развитие данной болезни. Но у меня нет оснований не верить Лие Марсовне, а значит, их мы не будем прини-

мать во внимание. Остается... не так много. Полагаю, здесь не обошлось без огромной психической травмы. Вам что-нибудь известно об этом?

Чалый встал. Известно ли ему об этом? Известно ли ему... Угу. Пожалуй... Он ей психические травмы вот этими самыми руками и наносил. Было, за что. Наверное... было. У нее было все! Всё, мать его так! Так почему же она... Ярость снова ударила в голову. Скрутила чувства в тугую пружину. В попытке выиграть время, он отошел к окну и тихо выругался. Потому что не готов был видеть ее сейчас. Никоим образом не готов, а она стояла там... за стеклом, запрокинув голову к небу, и ловила губами крупные, лохматые снежинки. Сердце пропустило удар. В ушах зазвенело...

– Лия, ну, какой гулять?! Кто гуляет по такому морозу?!

– Ну, Сашенька... Ну, пожалуйста, пойдем, а? Ты ведь и так все время работаешь. А я одна, и одна. И потом... Скоро ведь Новый год – на улице так красиво!

Он закатил глаза к небу и послушно поплелся одеваться. Знали бы мужики, какие веревки из него вьет жена – не поверили бы. Да он и сам не верил, что так размяк. Не планировал, что брак принесет ему столько радости. Даже представить не мог. А это оказалось так охренительно хорошо, когда тебя по-настоящему любят. Когда встречаются, радостно улыбаясь. Потому что ты – это ты, а все остальное неважно! Так охренительно хорошо в этом насквозь лживом и напрочь прогнившем мире... Море дорогих машин и дешевых женщин. В мире больших сделок и обмельчавших людей. Она принесла что-то новое в его жизнь. Она принесла покой.

Вокруг все считали, что он женился по расчету и с дальним прицелом. Глупые, они восхищались его многоходовкой, и даже не догадывались, как все обстояло на самом деле. Правильно понимал ситуацию разве что Глеб. И то... Чалый сам его подтолкнул к этой мысли, когда в ответ на подначку друга в адрес жены он тихо велел ему заткнуться. Глеб дураком не был. Бросил взгляд на смущенную, ничего не понимающую Лию, и медленно кивнул головой.

– Встрял ты, Чалый. Ох, истрял, – прокомментировал много позже.

– Занимайся своими делами!

– Да, я че... Ты, главное, не отсвечивай. Так даже лучше, что никто не догадывается, как крепко она тебя держит за яйца. Меньше слабых мест...

Александр смерил друга надменным взглядом и отвернулся.

Голос Андрея Павловича вернул Александра в реальность:

– Александр Александрович, вам что-нибудь известно об этом? – навязчиво повторил свой вопрос психотерапевт.

– Да. Кое-что... – неохотно ответил Чалый.

– И... вы не будете против, если Лие Марсовне в ходе терапии придется поделиться со мной этой информацией?

– Если это то, что ей нужно – пожалуйста. В моих интересах, чтобы она поправилась, как можно скорее.

– Тогда... Вы не могли бы ей сами обо всем сказать? Боюсь, мне она не поверит.

Александр бросил на мужчину короткий взгляд, сунул руки в карманы и, наконец, кивнул головой:

– Ей я скажу. И вы тоже послушайте... Даже и не помышляйте о том, что сможете хоть как-то использовать полученную информацию против меня. За её конфиденциальность головой вы будете отвечать лично.

Евгений Павлович с честью выдержал его пристальный взгляд. И лишь когда Чалый двинулся к выходу, отвел его.

– Что ж... На этом и закончим.

Когда он вышел из клиники, Лия все еще прогуливалась. Казалось, она не ожидала увидеть его в этом месте.

– Привет. Как ты себя чувствуешь?

Лия удивленно вскинула брови, а он разозлился! Зачем она постоянно его провоцировала? И это наигранное удивление... Зачем?

– Неплохо. Спасибо, что все оплатил.

Ну, вот. Опять. Чалый сжал челюсти.

– Я пришел сказать, что освобождаю тебя от данного слова. Своему психотерапевту ты можешь смело обо всем рассказать. Если это и правда поможет тебе прийти в норму.

Лия моргнула. Не находя слов, кивнула головой.

– Тебе нужно что-нибудь еще? Ну... чтобы поскорее...

– Прийти в норму? – улыбнулась краешком губ его бывшая. И это была совершенно не та улыбка, что он помнил.

– Да! – не сдержавшись, рявкнул Александр.

А она снова улыбнулась.

– Если это возможно, я бы хотела, чтобы кто-нибудь мне привез мой компьютер и фотоаппараты.

– Это все?

– Да. Пожалуй...

– Тогда я пойду. И ты... Заходи в тепло, Лия. Тебе только воспаления легких не хватало.

На удивление, она не стала с ним спорить. Просто повернулась и пошла по дорожке к крыльцу.

Сидя в тепле машины, Чалый пытался собраться с мыслями. Настроиться на рабочий рад, но получалось слабо. Он то и дело возвращался мысленно в прошлое, а потом, сам не зная, зачем, сказал:

– Толик... Давай на Каштановую...

Он поднялся к ней в квартиру один. Повернул ключ в новеньком замке. Открыл дверь. Разулся! Прошел по узкому коридору в комнату. Осмотрелся по сторонам. Лия жила, если не в бедности, то очень скромно. Он сам приложил к этому руку, вышвырнув ее за порог без копейки в кармане. Это только в законах написано, что жена имеет право на половину имущества. На деле же... Она вообще не имеет прав. Ни! На! Что!

За время отсутствия хозяйки жилище запустело. И стало каким-то безликим. Или таким оно и было всегда. В углу Чалый увидел ноутбук. Выдернул тот из сети, оглядываясь. Куда бы его сложить? Прошел к платяному шкафу, распахнул дверь. Не густо... Раньше Лия любила яркие платья, а теперь в ее гардеробе преобладали джинсы и теплые свитеры. Да и тех было немного. Он присел на корточки, в поисках какой-нибудь сумки. Пошарил руками на самой нижней полке. Сдвинул весь хлам. А потом увидел его... Детский носок с логотипом Феррари. Коснулся кусочка ткани нетвердой рукой и отдернул ту, будто обжегшись. Кадык дернулся. Внутренности стянуло узлом. Он его узнал. Этот носок... Шесть лет прошло, а он его узнал. В памяти воскрес день, когда Лия видела Сашку в последний раз. Он вспомнил, как она изо всех сил цеплялась за сына, стараясь не напугать, но... и не отпустить. Как она плакала и просила не забирать у нее ребенка, кричала, что он не имеет права, сыпала угрозами и молила о снисхождении. Вспомнил, каким неумолимым он был, когда приказал охране убрать ее прочь с дороги. Как она из последних сил сопротивлялась здоровенным ребятами, а тем было так хреново в сложившейся ситуации, что они не знали, куда деть глаза... И, да... он помнил этот чертов носок. Она до последнего цеплялась за Сашку... Но в руках у нее остался лишь носок ребенка, в котором тот выскочил встречать мать.

Чалый поднялся. Посмотрел на свое отражение в зеркальной двери шкафа и выругался. Будь оно все проклято! Будь... оно... все...

Глава 8

Сумку с ноутбуком и фотоаппаратами ей привез Глеб на следующий же день. Лия даже удивилась, что он лично приехал, а не послал кого-то из парней. Не такой уж она была важной птицей... Глеба она не видела столько же, сколько и Чалого. Но тот не слишком изменился. Она его сразу узнала.

– Вот. Тут еще... Одежда... и всякая белиберда.

Лия удивленно покосилась на стоящую в углу грудку пакетов с логотипами известных брендов. Заглянула в один из них.

– Это не моя одежда, – покачала головой.

– Лий, ну... Чтоб мы еще в тряпках твоих копались?! Так проще.

– Купить...

– Ага! – порадовался Глеб её догадливости.

– Мне ничего не надо. Зря только время потратил... И деньги.

– Лий, ну, хоть ты не начинай. Чалый сказал – я сделал. Тебе ли не знать?

– Ага...

– Ты увлекалась фотографией? – сменил тему мужчина, кивнув на зажатую в ее руках камеру. Для ослабевшей Лии ее вес был слишком большим, она аккуратно отложила Никон в сторону. Пожала плечами:

– Да. И сделала это увлечение своей работой.

– И как, нравится?

– Да, ничего... Глеб, мне уже обедать пора, так что...

– Да-да, я побегу... Тут еще телефон – в нем вбит мой номер. Если что-то понадобится – звони. И, это, Лий... Выздоровливай, а?

Лия криво улыбнулась и кивнула головой. Из всего окружения Чалого, в годы их совместно жизни, Глеб ей нравился больше всего. Можно сказать, они даже дружили... И смущение, которое сейчас было написано у него на лице, и которое он так тщательно старался скрыть, натолкнуло Лию на мысли, что, может быть, она в нем ошиблась не слишком сильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.